

Вестник ТвГУ. Серия "ФИЛОСОФИЯ". 2016. № 4. С. 155–164

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 246.6

СОВРЕМЕННЫЕ ПАТТЕРНЫ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКИ

В.Ю. Лебедев*, А.М. Прилуцкий**

*ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

**ЧОУ ВО «Российская христианская гуманитарная академия»,
г. Санкт-Петербург

Специфика теологического дискурса до сих пор научно не изучена. Многие из его аспектов в силу этого угадываются лишь интуитивно. В связи с этим соотношение между категориями эстетики и категориями еще предстоит прояснить. Статья – одна из первых попыток проследить связь между теологическими и эстетическими категориями на широком материале отечественной религиозной культуры. В рамках семиотического подхода авторы анализируют основные типы эстетико-теологической модальности. Статья заканчивается анализом теологической специфики церковной архитектуры.

Ключевые слова: *эстетика, теология, стиль, символизм религиозный, дискурс теологический.*

Одной из особенностей теологического дискурса – наличие особых правил, определяющих отношение формы и содержания теологического текста. Правила эти до настоящего времени не проанализированы и не описаны, их действие скорее угадывается интуитивно, хотя некоторые из них находятся на поверхности и легко поддаются не только анализу, но и обыденному суждению «простецов». Так, хорошо известно, что для теологического текста существенно не только то, что говорится и пишется, но и то, кем и как, в т. ч. при помощи каких стилистически маркированных средств создаются теологические тексты. Поэтому даже вполне корректный с точки зрения содержания религиозный текст может отвергаться именно в силу авторства и использованных языковых средств, если последнее не одобряется соответствующей теологической традицией. С учетом современного подхода, ограничивающего «вербомонизм», это замечание можно отнести и ко всем знаковым системам религии, как в свое время уже сделал о. П. Флоренский.

Поэтому в теологическом и, прежде всего, гомилетическом дискурсах не принято цитировать еретиков даже в тех случаях, когда последние не отклонялись от церковной ортодоксии. Поэтому сложной и болезненной оказывается реабилитация памяти осужденных Церковью лиц, даже если открываются обстоятельства, ставящее осуждение под вопрос. Можно ли копировать еретические паттерны в других знаковых системах, например, в гестике или вестиментике?

Вызывают неприятие теологической традицией отход от принятого способа изложения теологических постулатов, модернизация терминологии, нарушение фактических канонов построения теологического текста, использо-

вание лексики и синтаксиса заниженных регистров коммуникации, что нередко воспринимается традиционалистами как профанация [5, с. 108]. Не случайно высокое красноречие в европейской традиции изначально маркировалось как религиозное (гомилетика) и парарелигиозное – университетский диспут (средневековый университет, как известно, считался клерикальным учреждением), а противопоставление «храма» «рынку» имело не только метафорическое, но и символическое значение в рамках теологической культуры. В русле традиционного вебоцентризма нарушение этих установок в области других знаковых систем почти не рассматривалось серьезно, кроме того, из-за асинхронности развития знаковых систем изменения в этих областях объективно замедлялись. Именно поэтому А. Введенский мог служить не просто в традиционном облачении, но и в облачении, принадлежавшем св. Тихону (весьма известная фотография). Также интересным примером стилевой чувствительности являются случаи, когда отдельные представители униатов изучали практическую литургику путем наблюдения (у них имелось хорошее знание только латинского обряда). Византийская литургия длиннее даже Тридентской торжественной Мессы, в отдельных храмах появляются местные уникальные детали, а главное алтарное действие скрыто иконостасом. В результате чистоту стиля нарушали мелкие детали – например, надевание клобука так, что уши оказывались поверх него. Интересно и то, насколько стилевая идентичность чувствительна к деталям.

Вероятно, последний термин требует некоторого прояснения. Учитывая, что объем понятия «культура» в современной гуманитаристике не имеет однозначного определения, а определения культуры множатся, определить на концептуальном уровне теологическую культуру тоже оказывается затруднительным (возможно, выходом здесь будет замена термина, например, на более узкий, зато более четкий термин «праксис»). В качестве рабочего определения мы можем предложить такое – теологическая культура это совокупность вербальных и невербальных текстов, существующих в обществе способов их построения и интерпретации, характерная для определенной конфессиональной традиции. Именно в пространстве культуры человек формирует «собственные диспозиции в знаковой форме, различая те феномены, с которыми он сталкивается, организуя их в значимый, наполненный смыслом мир» [3, с. 7]. Таким образом, будучи понятием герменевтическим, теологическая культура оказывается более широким понятием, чем теологический дискурс. В этом смысле, в соответствии с концепцией Ю.М. Лотмана, теологическая культура может быть понята как пространство религиозной (конфессиональной) семиосферы.

Будучи продуктом теологической культуры, теологический дискурс передает состояние последней, это относится не только к содержанию теологических текстов, но и к эстетическим характеристикам речи. Безусловно последнее не является основным в плане реализуемых рече-языковых функций, теологический текст все-таки не предназначен преимущественно для удовлетворения эстетических потребностей читателя (так, не случайно о. Г. Флоровский критиковал знаменитый «Столп» о. Павла Флоренского именно за излишний эстетизм), однако стилистически и эстетически значимые элементы теологического дискурса позволяют делать оценки о состоянии теологической культуры и тех задачах, которые решаются ее школами и направлениями. Кроме того, в настоящее время «эстетическое» оказывается одним из

наиболее размытых понятий, что облегчает деятельность специалистам в данной нечетко ограниченной области.

Апофатический и катафатический методы в теологии различаются не только отношением к возможностям богословского дискурса, не только семантикой и семиотикой, но и стилистикой. При этом апофатическое богословие по направленности богословской рефлексии не столько противостоит катафатике, сколько сопоставляется с ней в рамках глобального противопоставления примитивизму и гносеомахии. Сама по себе апофатика (за исключением ее крайних и радикальных форм) не отвергает богословский дискурс, последний отвергается идеологемами, согласно которым «жизнь тем благодатнее, чем проще; тем выше в религиозном смысле, чем ниже в культурном... Такая позиция отрицает всякие теологические рассуждения, всякий дискурс вообще» [8, с. 117].

Несмотря на потоки публикаций, касающихся стиля, единства в его понимании нет и сегодня. Укажем на три наиболее значимых варианта:

1. Иррационалистический (О. Шпенглер), когда стиль не только объявляется иррациональным явлением некоего «духовного», но и объясняется так же. В результате мы имеем объяснение неясного через неясное, несостоятельность которого компенсируется «мистериальным» многословием (А. Белый).

2. Психологический, опирающийся на понятия памяти, фигуры и фона, гештальта и т. п.

3. Семиотический (Лотман, Успенский) – стиль как выбор определенных знаков в соответствии с семантической стратегией. Особенности программы стратегии возникают разные варианты стиля (жесткие и гибкие и т. д.).

В современной духовной культуре стиль формируется не только и не столько под влиянием теологических школ и направлений, которые в отечественной культуре еще только начинают формироваться, сколько личными культурно-эстетическими предпочтениями отдельных теологов или просто людей, чье отношение к церкви делает их поведение релевантным. При этом играет огромную роль поведение, которое мы назвали бы традиционным, вплоть до его вырожденного варианта – копирования. Впрочем, иногда и копирование оказывается тезаурусом и традиции, и стиля. Этим отличается современная отечественная теология от зарубежной: если в современной Европе теологический дискурс стратифицирован школами и направлениями, то в отечественной традиции преподавания и изучения теологии школы и направления отсутствуют. Разговоры о «московской» и «петербургской» теологических школах, ориентированных на соответствующие духовные академии, лишены достаточных оснований.

Соответственно и стилистика дискурса формируется на основании личных эстетических предпочтений отдельных теологов или просто влиятельных и заметных личностей.

Однако проблема отношений между эстетикой и теологией не ограничена проблемой стиля. Анализ теологического и шире – религиозного дискурсов позволяет сделать вывод о том, что эстетическое восприятие мира теологично в той степени, в которой оно телеологично. Иными словами, восприятие базовых эстетических категорий, т. к. прекрасное и возвышенное, направляет человека к источнику прекрасного в мире. Как отмечает проф. Б.Л. Губман,

авраамическая традиция изначально постулирует аксиологическое восприятие истории и современной человеку реальности [4].

Убогая эстетика, в свою очередь, приводит к деградации способности воспринимать Творца посредством эстетической интуиции, направленной на угадывание источника красоты в мире. Не случайно философия искусства знает постановку вопроса о родственном характере творческого вдохновения и религиозного откровения, которое в крайних формах интерпретирует творчество как профетический, религиозный акт. Далее необходимо отметить такую фундаментальную вещь, как эзотеризм. В нашем случае это будет преимущественно эзотеризм верных. Эзотеризм как установка и поведенческая стратегия является производным от границы, к которой восходит различие двух пространств – профанного и отмеченного. Все остальные проблемы в большинстве своем сводятся к тому, каким образом наполнить выделенное пространство, что для этого использовать и должно ли такое наполнение подчиняться не просто четкому принципу, а принципу, имеющему теологическую интерпретацию. Классическая работа П. Флоренского «Иконостас» посвящена этому кругу вопросов и демонстрирует стремление автора давать теологически релевантные ответы на вопросы о том, как должны выглядеть разные секторы храма и внехрамовое пространство.

Эзотеризм верных предполагает наличие семиотического ключа для определения «своего» и «чужого», «подлинного» и «неподлинного». В том числе в качестве такого ключа выступает стиль. Авторам известны случаи, когда люди покидали обновленческое богослужение, проводимое отнюдь не в самом радикальном формате, объясняя, что «это не та церковь». Очевидно, что это был результат схватывания стилистических обертонов, коннотативной стилистической семантики, вербализировать которую неподготовленному человеку действительно сложно. Но это никак не снижает прагматического эффекта от таких стилистических коннотаций. Соответственно, подменяя искусство – псевдоискусством, прекрасное – китчем, наполняя эстетическое пространство различными подделками, безвкусными подражаниями, включая и фирменное обновленческое «подражание массам», такая убогая [6, с. 424] эстетика не может претендовать на профетический характер, а если и претендует, то выглядит нелепо и смешно, более того – отталкивающе, сбавывает «рефлекс» удаляться от фальши как от мертвечины. Особенно последнее важно в контексте религиозного искусства, связанного с пространством сакрального. Аляповато и безвкусно оформленный храм не только не способствует молитве, но и прямо отвлекает от нее, поскольку такое ремесленное псевдоискусство не способно направить мысль верующего в направлении к Богу, почитаемому и как источник красоты в мире.

Известно, что восприятие литургии в категориях эстетики не только формирует индивидуальные схемы апперцепции, но и создает различные паттерны отношения к миру. Так, описанный в «Повести временных лет» обобщенный опыт восприятия литургии восточной церкви славянами «И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет

потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать» в итоге становится своего рода литургическим паттерном русской культуры.

Не случайно все исторические иконы, почитаемые народом в качестве чудотворных, одновременно являются и очень высокими образцами религиозного искусства, среди них нет продуктов ремесленного подражания. Почитание в качестве чудотворных икон некоторых современных изображений, выполненных типографским способом, является элементом новейшей, а не традиционной религиозной культуры. Популярное в неопротестантской субкультуре противопоставление «веры в Иисуса» и интеллектуальной культуры, предполагающее их онтологическую несовместимость, основывается на выводах упрощенной герменевтики, тогда как для православной и католической культур такое противопоставление не свойственно. Как отмечает русский философ Г.П. Федотов, «Христос требует жертвы, самым дорогим и священным, что есть у человека: отцом и матерью, следовательно, и родиной. Так как Он есть вечная жизнь, то ничто живое в Нем не погибает. Он вернет человеку мать и отца, вернет и родину, но вернет иными, для иной, более чистой любви, поэтому вера в Спасителя не есть отрицание культуры, самой сложной культуры интеллектуальной, но ее преобразование» [7, с. 46].

Подобные мысли мы встречаем в работах о. С. Булгакова: «Бог почтил человека тем, что дал ему часть в собственном творческом деле. И поэтому творчество имеет религиозную ценность... Творчество должно быть связано с религиозной ценностью человека (аскетический момент должен быть имманентно заложен в творческом акте). Спаянность внешнего делания и религиозного – есть вдохновение (духовный артистизм). Культ есть духовное средоточие культуры» [1, с. 86]. Изложенное выше позволяет не только поставить вопрос о правомочности выделения модальностей теологической эстетики, но и осуществить попытку ее классификации. Представляется целесообразным выделить следующие типы эстетико-теологической модальности:

1. Церковь как символическая проекция высшего мира. Отличительными чертами являются: торжественный стиль богослужения и храмового убранства, строгие поведенческие нормы (смещение и узурпация литургических ролей не допускается), акцентирование мистических значений и коннотаций семиотически значимых элементов дискурса, дорогостоящие элементы церковного убранства приветствуются.

2. Аскетическая модальность. Акцент делается на аскетическое духовное делание, при этом стилистические изыски минимизированы или полностью отсутствуют. Несмотря на это эстетика, свойственная подобному паттерну, вовсе не является убогой, – примером могут быть храмы строгих монастырей.

3. Модальность золотой середины. Литургический канон соблюдается, при этом эстетика совмещает как традиционалистские, так и модернистские установки без выраженных доминант. Фиксирование данного типа эстетико-теологической модальности подтверждает правоту выводов Д.А. Головушкина о амбивалентной природе религиозного модернизма и фундаментализма [2].

4. Модальность принятия народного благочестия. Эстетика ориентирована на установки сельской, провинциальной или реже – мещанской культуры. В теологии фиксируется снисходительное, а иногда и – благоговей-

ное отношение к элементам народной религиозности, в том числе носящим апокрифический или еретический характер.

5. Модальность «бедной церкви для бедняков», – упрощенчество, объявленное самоцелью, – часто приводит к безвкусице, а культивируемая убогость часто лицемерна.

6. Эkleктика. Стилистические доминанты отсутствуют, часто при этом отсутствуют и доминанты теологические.

7. Прагматическая модальность – всё подчиняется идее «простоты» и «удобства», начальная стадия десакраментализации.

8. Церковь как «проект». Строго говоря, здесь имеет место выход за онтологические границы экклезиальности. Акцент делается на «рост», т. е. увеличения численности следует добиваться любой ценой, поскольку это необходимо для подогревания интереса спонсоров. Актуальна работа над внешними показателями, легко формализуемыми для отчетов. Умение составлять красивые отчеты для иностранных спонсоров и завлекать новых адептов становится главным показателем успешности «служителей», равно как работа с «побратимами» из-за рубежа, богатыми миссионерскими фондами и обществами. Миссионерство конвертируется в различные финансируемые проекты. Ранее в качестве инструмента агитации использовалась раздача гуманитарной помощи, сегодня апелляция к субкультурным кодам – игра на гитаре, использование текстов, ориентированных на массового потребителя.

Теологическая стилистика позволяет маркировать пространство сакрального, что обеспечивается благодаря использованию стилистически маркированных элементов при формировании храмовой архитектоники. При этом следует учитывать, что сама категория сакрального, будучи категорией одновременно эстетической, религиозной и идеологической, может быть представлена в различных модальностях, причем не всегда совместимых. При этом между сферой сакральной, профанной или любой иной пролегает граница, пусть порой и размытая.

Так, свои «сакральные места» существуют у различных политических идеологий, причем их сакральность часто позиционируется как «национальная» а в условиях полирелигиозного уклада – как «надрелигиозная». Претендуя на универсализм, они тем не менее часто неспособны преодолеть свойственный им партикуляризм. Итак, «святые места» могут быть разными у носителей различных идеологий и мировоззрений. Сакральные символы героической истории социума, связанные с идеей, прежде всего, с ресемiotизации религиозной ритуалогемы жертвоприношения, тоже формируют особую модальность сакрального, которая оказывается сложносовместимой с модальностями религиозными.

Поэтому некоторые верующие высказывали недовольство фактом участия иерархов в возложении венков у Вечного огня, символизирующего тип семиотического пространства, фундированного идеологическими и национальными модальностями сакрального. Полагаем, что это связано с несколькими факторами: активное строительство мемориалов в период господства атеистической идеологии; участие в соответствующих ритуалах представителей тогдашних партийных функционеров, обеспечивавших проведение в том числе и атеистических компаний; наличие, хотя и нечеткое, параллелей с языческим культом. Последнее, скорее всего, играло не главную роль в силу от-

сутствия у большинства верующих достаточной религиозной компетентности (мало кто из них имеет научные представления о специфике языческих и иных огнепоклоннических культов), но на уровне неких интуиций вполне могло присутствовать. Следует отметить, что против именно церковного поминания погибших на войне никак не возражали. Следовательно недовольство было вызвано не фактом поминания, а его модальной формой.

Стилистика храма задается набором используемых семиотически и теологически значимых компонентов, степенью их каноничности и традиционности (под последним будем понимать набор канонически нефиксированных, но существующих на уровне традиции норм и правил), технологий изготовления, синтагматики, эстетического соответствия и т. д.

Маркирование храмовой архитектоники стилистическими маркерами, выражающими модальности сакрального, может реализовываться в рамках различных стратегий создания соответствующей стилистики.

Стоит разобрать их основные типы, характерные для отечественного культурного ландшафта.

Древний храм

Такая стилистика предполагает использование старинной традиционной иконографии или профессионально выполненных копий и подражаний. При этом обращается внимание не только на требования канонов, но и на традиции, не имеющие статуса непреклонного правила. Однако четко разграничиваются продуктивные в эстетическом отношении и приемлемые теологически традиции от норм народного благочестия, которые часто противоречат перечисленному. Подобная эстетика соответствует программе теологического традиционализма, отвергает не только модернистскую, но и эклектическую эстетику. Тип древнего храма обычно предполагает высокий уровень эстетического чувства не только у клира, но и прихожан. В силу сложности, дороговизны и малой востребованности он сегодня встречается в новых храмах не часто, с ним можно познакомиться или в старинных храмах, которые без особых проблем пережили потрясения XX в. и сегодня только лишь поддерживаются, или же в тех немногочисленных храмах-новостроях, настоятели которых могут позволить подобную эстетико-теологическую модальность, многими воспринимаемую как роскошь.

Сакральность подобного храма носит выраженный характер, поскольку на архетипическом уровне человеку свойственно преклонение перед древним. Авторы сталкивались с утверждениями, что, например, именно древние святые подлинны, а новопрославленные – «что это за святые? На Синоде 5 человек проголосовали, подняли руки – и что, вот святой? Кто это знает? Вот лет 300 пройдет и будет видно¹».

Православный ампи́р

Столичные монументальные соборы, построенные в Синодальный период, обычно были ориентированы на иностранные (итальянские) образцы. Подобная эстетика, хотя и носит знаковый характер, редко получала распространение за пределами столицы. Теологически ее можно интерпретировать и как выражение идеи вселенскости Церкви, и как некий прообраз экуменично-

¹ Интервью с М., 64 года, образование среднее техническое, ранее был старостой храма.

сти уже XX в. Не случайно некоторые верующие-традиционалисты отказываются посещать Казанский и Исаакиевский соборы в Санкт-Петербурге, интерпретируя их как «масонские» и «неправославные». Понятно, что по причине исключительной сложности и дороговизны данные эстетическо-теологические паттерны практически не используются при строительстве новых храмов. Сакральность данного храма, совмещающая как модальности храмовые, так и символическую сакральность идеологических символов, достаточно противоречива и сложна для восприятия, хотя стилистика архитектоники в рамках заданной априорной парадигмы безупречна.

Больше позолоты

Типичное представление, восходящее к теологическим представлениям о том, что использование золота и драгоценностей (при их отсутствии – симулякров-заместителей) выделяет сакральное из профанного: храму как особому месту, посвященному Богу, должно принадлежать и все самое лучшее, дорогое и красивое. Кроме того, на подобную теологему налагаются паттерны мещанских эстетических предпочтений, по типу «чем больше позолоты и вычурности – тем лучше». Известны многочисленные случаи, когда старинные фрески приносились в жертву современной посредственной, но яркой живописи.

Одно из первых современных исследований такого символизма – «Аббат Сюжер и аббатство Сен-Дени» Э. Панофского. Прозрачное и сияющее (а значит, в первую очередь похожие на бриллиант и разные оттенки золота), привлекая внимание, создают ситуацию созерцания, символически возводя помыслы и ощущения к небесному. Эстетика рококо довела искусство сочетаний золотого с другими цветами до виртуозности (основной вариант – белое и золотое). Для Средневековья с его отсутствием представлений, чем физически является свет, переход от материи к материи тонкой, а от нее к нематериальному выглядел еще более естественным и последовательным.

Различие точек зрения на «количество золота» определяется разницей взглядов на то, насколько мощной должна быть семиотическая граница между мирами. К чему приводит отказ от золота, можно видеть в постсоборном католицизме, где стены подчас выкрашены бледной краской, годящейся для общественного сортира.

Храм шаговой доступности

Современная миссионерская стратегия Русской православной церкви предполагает строительство многочисленных небольших и недорогих храмов там, где наблюдается значительная концентрация жителей и отсутствуют исторические церковные здания. Речь идет, прежде всего, о городских новостройках. Храмы шаговой доступности, как явствует из самой концепции, архитектурными шедеврами не являются. Достаточно, если они воспринимаются эстетически нейтрально и соответствуют основным каноническим требованиям и традиции храмового зодчества.

Церковь-элеватор

Модернизм в архитектуре в большей степени в России присущ культовым зданиям неопротестантов, которые часто (и довольно безвкусно) вписывают элементы неоготики (башни, стрельчатые окна) в модернистские бетонные коробки-остовы. Вероятно, подобный стиль преследует несколько целей – помимо удешевления строительства он семиотически маркирует принадлежность к «западной», «неправославной» традиции.

На примере храмовой архитектуры мы видим, что стилистические маркеры одновременно становятся маркерами теологическими, формируется сложная семиосфера, в которой эстетические категории обретают теологическое наполнение.

Список литературы

1. Булгаков С.Н. Догматическое обоснование культуры // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т.2. Избранные статьи. С. 637–643.
2. Головушкин Д.А. Религиозный фундаментализм. Религиозный модернизм: Концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1: Богословие. Философия. 2015. № 1 (57). С. 87–97.
3. Губман Б.Л. Мир культуры: Экзистенциальные истоки и знаково-символическая реальность // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: «Философия». 2015. № 2. С. 7–25.
4. Губман Б.Л. Ценностные основания иудео-христианского мировоззрения и философия истории постмодерна // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2008. № 3. С. 5–17.
5. Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Семиозис и семиодинамика теологических и мифологических знаковых систем. Тверь: ГЕРС, 2010. 400 с.
6. Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Эстетика: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям. М.: Изд-во «Юрайт», 2012. 424 с.
7. Федотов Г.П. О национальном покаянии // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб.: София, 1992. Т.1. С.42–50.
8. Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция / изд. 2-е, сокр. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 644 с.

CONTEMPORARY PATTERNS OF THEOLOGICAL AESTHETICS

V.Yu. Lebedev*, A.M. Prilutskii**

* Tver State University, Tver

** Russian Christian Humanitarian Academy, St.-Petersburg

The specificity of theological discourse thus far has not been studied. Many of its patterns are understood only intuitively. In this regard, the relationship between the categories of aesthetics and categories of theology are not determined scientifically. This article is one of the first attempts to trace relation between theological and aesthetical categories. In the frame of the methods of semiotics, the authors analyze the main types of aesthetic and theological modality. The article ends with an analysis of the theological specificity of church architecture.

Keywords: *aesthetics, theology, style, religious symbolism, theological discourse.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru.

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и религиоведения ЧОУ ВО «Российская христианская гуманитарная академия», г. С.-Петербург. E-mail: alexpril@mail.ru.

Authors information:

LEBEDEV Vladimir Yourievich – Ph.D., Prof. of Sociology Dept., Tver State University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru.

PRILUTSKII Alexander Mikhailovich – Ph.D., Prof. of Philosophy and Religious Studies Dept., Russian Christian Humanitarian Academy, St.-Petersburg. E-mail: alexpril@mail.ru.